

Маслова Наталия Петровна

**РЕФЕРЕНЦИЯ ОЦЕНОЧНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ В УСЛОВИЯХ СУБЪЕКТНО-ОБЪЕКТНОГО
ВАРЬИРОВАНИЯ**

Статья посвящена референциальному аспекту функционирования оценочных высказываний, квалифицирующих лицо. Анализ вопросов референции проводится с позиции семантико-прагматической значимости субъектно-объектного варьирования. Повтор, прагматическое и семантическое сближение рассматриваются как функциональные приемы, обеспечивающие референцию субъекта и объекта оценки. Феномен косвенной референции, имеющий большую и меньшую степень имплицитности, иллюстрируется рядом примеров из художественных произведений.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/3-2/34.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 3 (21): в 2-х ч. Ч. II. С. 126-130. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/3-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

Наряду с отходом от ритуализированной героики, в русле повествовательной традиции намечается усиление интереса к витальной и маргинальной телесности. Здесь стоит прежде всего назвать следующих авторов и ряд ключевых произведений: В. Богомолова («Иван», 1958 г.), Б. Васильева («А зори здесь тихие», 1969 г.), В. Распутина («Живи и помни», 1974 г.), В. Кондратьева («Сашка», 1979 г.), А. Адамовича и Д. Гранина («Блокадная книга», 1977-1981 гг.) и романную диологию В. Гроссмана о Сталинграде («За правое дело», 1952 г.; «Жизнь и судьба», 1980 г.).

Список литературы

1. Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической деятельности // Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 22–88.
2. Геннисаретский О. И. Совершенный человек: пространственность и событийность перфективного праксиса // Виртуальная реальность. М.: Институт философии, 1997. С. 8–36.
3. Подорога В. А. Феноменология тела. Введение в философскую антропологию. М.: *Ad Marginem*, 1995. 340 с.
4. Тюпа В. И. Аналитика художественного: введение в литературоведческий анализ. М.: Лабиринт; РГГУ, 2001. 189 с.
5. Федоров В. В. О природе поэтической реальности: монография. М.: Советский писатель, 1984. 184 с.
6. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / пер. с фр. В. Наумова; под ред. И. Борисовой. М.: *Ad Marginem*, 1999. 479 с.

**TYPES OF CORPOREAL FIGURATIVENESS IN THE CONTEXT
OF NARRATIONS ABOUT WAR OF 1941-1945**

Maksimov Vladimir Vladimirovich, Ph. D. in Philology, Associate Professor
National Research Tomsk Polytechnic University
v_v_maksimov@rambler.ru

The author considers the main types of corporeal figurativeness presented in the context of narrative tradition, devoted to the topic of the Great Patriotic War of 1941-1945, describes six figurative rows of “belligerent body”, distributed in three contrasting pairs: vital - mimical, subordinate - marginal, ritual - grotesque, and interprets the general direction of corporeal figurativeness development within the framework of this tradition as the transition from monofocal strategies, creating the heroic-ritualized image of the perfect warrior, to multifocal scenarios, developing not only pathetic, but also ironic, polemical, parody and comic methods of corporeal figurativeness.

Key words and phrases: military epic; artistic space; corporeal figurativeness; personage; hero.

УДК 808.2:541.2;808.2:56

Филологические науки

Статья посвящена референциальному аспекту функционирования оценочных высказываний, квалифицирующих лицо. Анализ вопросов референции проводится с позиции семантико-прагматической значимости субъектно-объектного варьирования. Повтор, прагматическое и семантическое сближение рассматриваются как функциональные приемы, обеспечивающие референцию субъекта и объекта оценки. Феномен косвенной референции, имеющий большую и меньшую степень имплицитности, иллюстрируется рядом примеров из художественных произведений.

Ключевые слова и фразы: категория оценки; референция; косвенная референция; конкретно- и общереферентная соотнесенность; субъектно-объектное варьирование; идентификация объекта оценки.

Маслова Наталия Петровна, к. филол. н.

Поволжская государственная социально-гуманитарная академия
nata_p.m@mail.ru

**РЕФЕРЕНЦИЯ ОЦЕНОЧНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ
В УСЛОВИЯХ СУБЪЕКТНО-ОБЪЕКТНОГО ВАРЬИРОВАНИЯ[©]**

В лингвистике под оценкой подразумевается ценностный аспект значения языковых выражений, интерпретируемый как «А (субъект оценки) считает, что Б (объект оценки) хороший/плохой». Вслед за Н. Д. Арутюновой, Е. М. Вольф и другими исследователями, в данной работе принимается определение оценки как отношения к объекту (человеку или предмету-вещи), определяемому посредством предсказуемого ему признака, избранного для характеристики частного аспекта этого объекта или объекта в целом с точки зрения противопоставления положительное/отрицательное [1; 2; 5; 10]. Поскольку «человек... центральная фигура языка и как лицо говорящее, и как главное действующее лицо мира, о котором он говорит» [2, с. 158], оценивается чаще всего человек с его физическими, психическими и социальными свойствами.

Для оценочных высказываний существует проблема идентификации субъекта и объекта оценки в условиях конкретно- и общереферентной соотнесенности, рассматриваемая нами в рамках субъектно-объектного варьирования. Целью настоящей статьи является рассмотрение вопросов референции оценочных высказываний, квалифицирующих человека, с позиции семантико-прагматической значимости субъектно-объектного варьирования.

Под референцией понимается соотнесение языкового выражения с действительностью [13]. Референция трактуется как «способ “зацепить” высказывание за мир» [1, с. 18]. Исследование референтной соотнесенности субъекта оценки и оценочного объекта-лица требует: во-первых, обращения к общему смыслу предикатных выражений и всего высказывания – «ключ к семантике субъекта лежит в его предикатах» [2, с. 106]; во-вторых, рассмотрения в контексте коммуникативной ситуации, в составе типового речевого акта, т.к. это «способ обеспечить говорящему, моменту речи и т.д. законное место в семантических формулировках» [14, с. 292].

Частное определение референции выводится как отношение актуализованного имени или именной группы к объектам действительности [Там же].

Именные группы (ИГ) делятся на предикатные и субстантивные. Предикатные ИГ – это ИГ в функции предикатива при связочном глаголе. Субстантивные – именно они выражают субъект и объект оценки – делятся на референтные (они же конкретно-референтные) и нереферентные (они же общереферентные). Конкретно-референтная соотнесенность осуществляется за счет дейктических местоимений, имен собственных и нарицательных, выполняющих указательную, номинативную и денотативную функции.

Признается, что местоимения – «тот класс слов, который несет на себе главный груз конкретной референции» [13, с. 101]. Они указывают на референцию, устанавливая кореференцию, – обозначение одного и того же референта разными средствами. Функцию замещения личных местоимений отразил персонаж повести А. Битова «Человек в пейзаже»: «Человек – это лишь местоимение: я, ты, он, они и, наконец, мы» [4, с. 21].

Дейкτικότητα личных местоимений 1, 2 и 3 лица имеет разную степень референтной отнесенности. Два элемента из этого ряда – 1 и 2 лица – называют участников акта коммуникации, где они обозначают соответственно говорящего, автора речи (в нашем случае это прагматический субъект оценки), и адресата. В то же время я «ни с кем не делит денотата и остается всегда уникальным и абсолютно индивидуальным» [21, с. 163]. Функцию указательности местоимения приобретают лишь при условии чередования со знаменательной лексикой; при отсутствии речевой ситуации «антецедент – субститут» местоимение развивает в себе функцию не менее уникальную, чем функция полнозначной лексики – «автосемантического обозначения личности внутри акта коммуникации» [18, с. 82]. Эта функция выступает на первый план в акте непосредственной коммуникации, например в диалоге; 3 лицо стоит особняком, это «собственно» не лицо. Что же касается чередования с существительными, то местоимения как 1, так и 2 лица вообще не нуждаются в чередовании с существительными или в добавлении имени собственного. В художественном тексте использование личных местоимений во всех трех лицах чаще всего конкретно-референтно, поскольку заботу о том, чтобы адресат смог «пронести» тождество предмета сквозь текст, берет на себя автор, используя правила кореференции.

Роль личных и притяжательных местоимений в синтаксических позициях субъекта и объекта высказывания характеризуется, с одной стороны, как чисто конструктивная, с другой – как несущая определенную функциональную нагрузку. Эта функциональная нагрузка наиболее существенно сказывается в ситуациях повтора одного и того же местоимения в целом ряде высказываний, имеющих однонаправленную ориентацию («серийное употребление»). В качестве примера приведем следующий текстовый комплекс: *Я – отдельно. Выше. Я сошел со звездных полей в эту грязь и, завершив земной круг, уйду, откуда пришел... Да, я прекрасен! Да, мое лицо светится неземным светом!.. Я, дитя эфира, расправлю свои шелковые, белоснежные, спящие крылья, как миллион белых колибри. О, как прекрасно будет мое торжественное парение!* [20, с. 302-304]. Данный повтор имеет текстовый функционально-категориальный смысл – нагнетание чрезмерной, аффективной оценки, которая при рассмотрении «со стороны» превращается в свою противоположность – оценку отрицательную, выражающуюся таким словом, как ячество. Точнее, здесь происходит корреляция двух разных оценок – самооценки и оценки, возникающей у адресата, воспринимающего субъекта. Личные местоимения совместно с притяжательными выполняют конденсирующую функцию, сводя все высказывания к миру одного субъекта.

Текстовые субъекты, объекты и оценочные предикаты объединяются в стремлении выразить оценочное суждение. Покажем это на примере так называемого прагматического сближения. Возможны случаи, когда интерпретация субъектно-предикатного состава высказывания зависит от средства, манифестирующего объект оценки, и оценочного предиката. Так, сближение территориальное, синтагматическое *ты и прекрасный* в высказывании *Кто ты, прекрасный!* [Там же, с. 303] содействует семантическому их сближению и выработке общей прагматической ориентации, заключающейся в том, что цель коммуникативного сообщения – заявить о красоте – достигается на фоне лежащего на поверхности вопроса. Такая форма помогает, с одной стороны, привлечь внимание к вторичной функции обращения – квалификативно-оценочной, с другой же – способствует своей первичной функцией тому, что оценка воспринимается помещенной в «конструкцию необсуждаемого структурного пласта» [11]. Сама форма вопроса при этом смягчает категоричность вывода, поскольку вопросительная семантика сохраняется.

Кроме прагматического сближения выделяем сближение семантическое. Так, известное смысловое взаимодействие между субъектом и предикатом предложения может возникать в суждениях о свойствах класса. Высказывание *Если бы женщины знали, что в крови есть золото, то они выпустили бы из мужчин всю кровь* «прочитывается» следующим образом: «если объект принадлежит классу женщин, он способен совершить определенное действие, а именно – выпустить кровь из объектов противоположного класса». Приведенный пример поучителен, на наш взгляд, тем, что в его объяснении уже заложена возможность использования общереферентных высказываний в частнореферентном значении.

Личные местоимения в состоянии выступать в роли объекта с общереферентной соотнесенностью: *Когда исчезнут вещи и дела, и даже след цивилизаций, вдруг прорастут из Времени – Слова, осмыслив жалкое Пространство... только Человек, сам вырвавший Слова из немоты, как джина – из бутылки тесной, внушил себе, что слово – бестелесно, что можно им распоряжаться кое-как, бросать на ветер как пустяк и ставить запросто – на место, лишь Человек наивный, так уж вышло, бесстрашно их лишает смысла... Хоть можем долго мы еще бездумно жить, и мелочность свою в слова рядить, и мелкостью своей словам вредить, и говорить, и городить...* [6, с. 3-4].

И еще пример, в котором *вы* выступает субститутом слова *женщины*, референтная соотнесенность обнаруживается по значению предиката: *Вы же все такие! Предательницы! Только до себя дело, до своих мелочей, своих тупелек, платьиц, своих заботочек, тьфу...* [16, с. 296].

Личные местоимения часто употребляются совместно с именами собственными и нарицательными. Имена собственные и нарицательные находятся при этом в позиции (1) обращения и (2) обособленного поясняющего оборота. По признакам позиции и функциональной нагрузки эти сочетания организуются в две подгруппы: 1) имя выполняет функцию адресации (обращения): *Лапоть ты, Папа Карло, и более ничего!* [17, с. 6]; *Дуб ты все же, Коля, хоть у тебя и генералиссимус на ветровом стекле, – сказал таксист Тарабанько* [12, с. 190]; 2) имя выполняет функцию уточнения, конкретизации: *Да ее почти никто не слушал, Питку, разве она была человеком?* [19, с. 99]; *...она... разрушила и подняла его – Симеонова, верного рыцаря, – и, раздавленные ее серебряным голосом, мелким горохом посыпались в разные стороны трамваи, книги, плавленые сырки, мокрые мостовые, птичьи крики, Тамары, чашки, безымянные женщины, уходящие года, вся брэнность мира* [Там же, с. 23].

В последнем примере функция пояснения осложнена полупредикативным значением, создающимся при поддержке *верного рыцаря* и более того – по сравнению с ним вторична. Имя собственное может полностью «переключаться» на передачу предикативного значения [15], например, в конструкциях наименования:

– *И верно вы ей, дядя Валя, имя нашли. Именно Любовью ее и звать...*

– *Какой Любовью! – поморщился Филимон Грачев. – Варварой ее звать! И больше никем!* [12, с. 39].

Оценочный предикат эксплицирован именем собственным – *Любовь*; интенция говорящего состоит в том, чтобы передать следующий оценочный смысл – *она – сама Любовь, и это хорошо*. Этот смысл особо выделяется на фоне другого наименования одного и того же объекта – *Варвара*, которое осмысливается как нечто противоположное предыдущему.

Особая роль в коммуникации отводится так называемой косвенной референции, при которой адресат ставится в положение интерпретатора семантически неоднозначных выражений. Н. Д. Арутюнова, называя этот способ общения «механизмом вуалирования референции» [3, с. 35], указывает на специфические его цели: «при желании высказаться о себе и в то же время не сделать никаких признаний, или нелестно отозваться об адресате и при этом избежать ответственности за свои слова» [Там же]. Отсюда естественно мнение, что косвенная референция – это «фигурный листок», который становится таковым, если попадает «в руки» догадливого адресата. При всех прочих равных условиях правильная референциальная отнесенность высказывания проблематична.

Проиллюстрируем феномен косвенной референции на конкретных примерах, снабдив их необходимыми комментариями.

(1) – *Ага, – сказал дядя Валя, – эгоистом быть легко. Пусть, мол, другие страдают, а я буду жить в наслаждениях.*

– *Кто это живет в наслаждениях? – спросил Михаил Никифорович.*

– *Это я так, к примеру, – сказал дядя Валя* [12, с. 123-124].

Оценочное высказывание *эгоистом быть легко* имеет общереферентный статус, но адресат «угадывает» себя в объекте оценки благодаря актуализатору – речевой ситуации. Сказанное «в воздух» принимается адресатом речи на свой счет. Правила речевого общения обеспечивают конкретно-референтное прочтение высказывания как нечто типа «ты – эгоист, тебе – легко». Таким образом обеспечивается идентификация объекта оценки. Но у говорящего (субъекта оценки) всегда есть возможность «отмежеваться» от им же самим выставленной фактической оценки – *Это я так, к примеру*.

Говорящий может отнести оценочное высказывание общереферентного типа к самому себе, и это отношение должно быть обязательно эксплицировано в присутствии адресата речи – потенциального объекта оценки, чувствующего себя в позиции «мишени».

(2) – *Дуракам закон не писан, – просветил меня Михаил Никифорович. – Это я про себя* [Там же, с. 160].

В противном случае оценка понимается однозначно как отнесенная к адресату. См. предыдущий пример, а также следующий.

(3) *Дочь резко повернулась к нему...*

– *Я не хочу быть к себе беспощадной.*

– *Жалеть себя хочешь? – спросил Капсулов.*

– *Лучше уж жалеть.*

– *Лучше, чем что?*

– *Чем выдавать маленький талант за большой.*

В тот же миг жена залепила ей пощечину [8, с. 274].

Высказывание частного оценочного типа без эксплицированного объекта оценки понято адекватно, но не только благодаря «прозрачности» диалогического объекта. Здесь включается еще один фактор – фоновые

знания собеседников и присутствующего третьего лица друг о друге, что исключает возможность «отмежеваться» от оценки. За такими высказываниями идут или вполне определенные словесные и физические действия, или требования разъяснить сообщение (А что ты этим хочешь (хотел) сказать?)

(4) *И зам добавил (доверительно – не всякому так скажет):*

– *Некоторые люди расталкивают других локтями. Интригуют. Лезут по головам, чтобы сесть в мягкое кресло. Я не люблю таких* [9, с. 228].

Адресат вправе «расшифровать» так: ‘Ты – не таков, не интригуешь, не расталкиваешь других локтями’ и т.д., т.е. не просто принять его на свой счет, но и поменять в нем знак оценки на противоположный – я в противовес *некоторым людям*. Хотя интенция говорящего остается все же скрытой. Оценочное высказывание представляет собой скрытое противопоставление, а оценка вместе с ее объектом относится к ее имплицитному противочлену.

(5) *В такие моменты насмешник Лев Адольфович... блеснул мелкими очками: «Если человек мертв, то это надолго, если он глуп, то это навсегда!»* [19, с. 138].

Высказывание привязано к конкретной ситуации; вызвано к жизни ею, является реакцией на конкретный поступок конкретного лица, поэтому объект оценки идентифицируется однозначно – не человек «вообще» (общереферентный денотативный статус), а вполне конкретный персонаж. В приведенном примере степень имплицитности как бы меньшая, чем в предыдущих двух, потому что оценочное высказывание представляет собой реакцию на конкретное действие, а не стимул.

(6) *Я остановился и похвалил цвет машины. Надо было видеть, как просиял дядя Коля* [7, с. 92].

Оценочное высказывание читается как что-то вроде ‘у вас хороший вкус’. Лесть, похвала лучше воспринимаются в конкретно-осязаемой форме: в таком случае ей больше доверяют. Оценка отчуждаемого предмета, принадлежащего человеку – объекту оценки, обладает большей глубиной имплицитности, поскольку межличностные отношения выводятся из отношения к вещам.

(7) *Вы не боитесь ветра, учитель? – спросил я...*

– *Меня?*

– *Вас. И вас тоже. Смотрите, как он гонит разный мусор.*

Учитель поднялся.

– *Пожалуйста, Шуручка, – посоветовал он, – не оставляйте сегодня своего друга. Интенсивные атмосферные процессы действуют на него дурно* [8, с. 138].

Интенция говорящего состоит в том, чтобы довести до сведения адресата следующий смысл: ‘Вы – мусор’. Имплицитен не только объект оценки, но и само оценочное суждение. Это более высокая степень имплицитности.

Учитывая, что субъект речи может выступать как автор объективно-практической или же личностно-прагматической оценки, а оценочная деятельность – это всегда субъектно-объектное взаимодействие, правомерно подчеркнуть, что в условиях косвенной референции субъект, обращаясь к обобщенности и неопределенности языкового выражения, зачастую стремится не столько «уйти от ответственности», скрыв реальные речевые намерения, сколько представить оценку объекта-лица как нечто перешедшее из объективно существующих оценочных представлений социума.

Подведем итоги. Референция субъекта и объекта оценочных высказываний, квалифицирующих человека, осуществляется такими функциональными средствами, как повтор, прагматическое и семантическое сближение, и обеспечивается, в частности, во-первых, за счет личных местоимений в конкретно- и общереферентном использовании при часто сопровождающих их именах собственных и нарицательных, во-вторых, благодаря значению оценочного предиката. Феномен косвенной референции обнаруживает большую степень имплицитности в случае оценки отчуждаемого предмета, принадлежащего человеку – объекту оценки, имплицитности не только объекта оценки, но и самого оценочного суждения, а также когда оценочное высказывание представляет собой стимул, а не реакцию на конкретное действие.

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Аксиология в механизмах жизни и языка // Проблемы структурной лингвистики - 1982. М.: Наука, 1984. С. 5-23.
2. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. 339 с.
3. Арутюнова Н. Д. Функции определений в бытийных предложениях // Русский язык. Текст как целое и компоненты текста: XI Виноградовские чтения (1980-1981 гг.). М.: Наука, 1982. С. 29-45.
4. Битов А. Последняя повесть. Человек в пейзаже. М.: Правда, 1988. 48 с.
5. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М.: Наука, 1985. 228 с.
6. Журавлева З. Роман с героем конгруэнтно роман с собой: роман. Л.: Сов. писатель, 1988. 496 с.
7. Ильина Н. Белогорская крепость: сатирическая проза. М.: Сов. писатель, 1989. 384 с.
8. Киреев Р. Светлячок: повести. М.: Молодая гвардия, 1987. 302 с.
9. Маканин В. Избранное: рассказы и повесть. М.: Сов. писатель, 1987. 543 с.
10. Маркелова Т. В. Семантика оценки и средства ее выражения в русском языке: автореф. дисс. ... докт. филол. н. М., 1996. 511 с.
11. Николаева Т. М. Контекстуально-конситуативная обусловленность высказывания и его семантическая цельность (к вопросу о функции русских частиц) // Русский язык: текст как целое и компоненты текста: XI Виноградовские чтения (1980-1981 гг.). М.: Наука, 1982. С. 46-63.

12. Орлов В. Аптекарь: роман. М.: ИПО «Полигран», 1993. 432 с.
13. Падучева Е. В. Высказывание и его соотносительность с действительностью: референциальные аспекты семантики местоимений. М.: Наука, 1985. 271 с.
14. Падучева Е. В. Референциальные аспекты семантики предложения // Изв. АН СССР. Сер. литературы и языка. 1984. Т. 43. № 4. С. 291-303.
15. Паршина Е. О. Имена собственные в функции нарицательных как средства оценочной категоризации // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 7 (18). Ч. 1. С. 159-162.
16. Пруссакова И. Под часами: рассказы. Л.: Сов. писатель, 1988. 512 с.
17. Пьецух В. Центрально-Ермолаевская война: рассказы. М.: Изд-во «Правда», 1989. 46 с.
18. Сильман Т. И. Синтактико-стилистические особенности местоимений // Вопросы языкознания. 1970. № 4. С. 75-95.
19. Толстая Т. На золотом крыльце сидели...: рассказы. М.: Молодая гвардия, 1987. 191 с.
20. Толстая Т. Река Оккервиль. М.: Издательский дом «Подкова», 2002. 464 с.
21. Топоров В. Н. О некоторых предпосылках формирования категории притяжательности // Славянское и балканское языкознание: проблемы диалектологии: категория посессивности. М.: Наука, 1986. С. 142-167.

REFERENCE OF ESTIMATING UTTERANCES UNDER CONDITIONS OF SUBJECT-OBJECT VARIATION

Maslova Nataliya Petrovna, Ph. D. in Philology
Volga Region State Social-Classical Academy
nata_p.m@mail.ru

The author describes the referential aspect of the functioning of estimating utterances, qualifying person; conducts the analysis of reference questions from the point of semantic-pragmatic significance of the subject-object variation; considers repetition, pragmatic and semantic convergence as functional devices that provide the reference of the subject and object of estimation; and illustrates the phenomenon of indirect reference, having larger and smaller degree of implicitness, by a number of examples from works of fiction.

Key words and phrases: category of estimation; reference; indirect reference; concrete- and general-referent correlation; subject-object variation; identification of estimation object.

УДК 82.09.091

Филологические науки

В статье рассматривается восприятие творчества Э. Бульвера-Литтона в контексте русской литературной ситуации 1850-60-х гг. На основе анализа отзывов русских критиков о произведениях английского писателя делается вывод о несомненном интересе А. В. Дружинина и Н. Г. Чернышевского к сочинениям английского писателя с точки зрения их жанра, повествования и создания характеров.

Ключевые слова и фразы: восприятие; Э. Бульвер-Литтон; А. В. Дружинин; Н. Г. Чернышевский; массовая литература.

Матвеевко Ирина Алексеевна, к. филол. н., доцент
Национальный исследовательский Томский политехнический университет
mia2046@yandex.ru

ПОЛЕМИКА А. В. ДРУЖИНИНА И Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО О ТВОРЧЕСТВЕ Э. БУЛЬВЕРА-ЛИТТОНА КАК ОТРАЖЕНИЕ ЛИТЕРАТУРНОЙ СИТУАЦИИ 1850-60 ГГ. ©

Творчество английского писателя Э. Бульвера-Литтона (1803-1873) сегодня не так хорошо известно русскому читателю, как творчество его современников Ч. Диккенса и У. Теккерея. Тем не менее русское общество середины XIX в. проявляло живейший интерес к этому автору, творившему на стыке двух литературных эпох, явившемуся их связующим звеном. Вобрав основные черты романтизма, Бульвер-Литтон стал предвестником реализма, который затем бы развит Ч. Диккенсом и другими. Э. Бульвер-Литтон был человеком разносторонне образованным и деятельным. За свою долгую жизнь он попробовал себя чуть ли не во всех литературных областях: в поэзии и публицистике, переводе и беллетристике, драматургии и критике. Он занимался политикой и философией, историей и общественной деятельностью.

Основной интерес к творчеству английского писателя Э. Бульвера-Литтона в России приходится на 30-50-е гг. XIX в. Этот факт подтверждает не только большое количество статей, опубликованных в различных газетах и журналах данного периода и содержащих критические оценки и анализ произведений английского писателя, но и внимание к нему русской критики. Все это можно объяснить теми общими процессами,